

https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.006
УДК 930(510)“4/5” + 81*373.2 + 913:911.3 + 94(515)“4/5”-055.2 + 398.223

Мария Дмитриевна Сохина

старший преподаватель кафедры иностранных языков и образовательных технологий, Уральский федеральный университет (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51)

E-mail: mariam1388@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0005-9463-2336>

***Nü guo* китайской историографии: К вопросу о локализации «Женских царств» Тибета**

Часть II: Западный Тибет и Верхний Ладакх

Аннотация

В китайских текстах V–XI вв. (хрониках, трактатах, энциклопедиях, сообщениях путешественников) неоднократно встречается макротопоним *Nü guo* «Царство женщин», употреблявшийся применительно к мифическим и реальным государствам, где из поколения в поколение правит женщина-царь. Статья представляет собой вторую часть исследования, цель которого — локализация тех Царств женщин, которые располагались в Тибете или в непосредственной близости от него. Анализ письменных источников, произведенный автором в первой части, показал, что в хрониках речь идет о Царствах женщин по разные стороны Тибетского нагорья. В ходе работы было установлено географическое положение Царства женщин, которое действительно существовало в Восточном Тибете в определенный исторический период — до середины VIII в. Во второй части исследования рассматривается возможность локализации топонима *Nü guo* в регионе Западный Тибет и прилегающей к нему юго-восточной части Ладакха. Данные территории объединялись древней цивилизацией, оставившей после себя многочисленные жилые и церемониальные памятники. В начале VII в. самым сильным государственным образованием на этом обширном пространстве было царство Шангшунг, где сосуществовали различные культурные группы. В царство входили некогда процветавшие земледельческие территории в долинах бассейнов верхнего течения рек Инд и Сатледж. Уклад жизни, характерный для местного населения в недавнем прошлом, обнаруживает несколько параллелей с Царством женщин китайских хроник, при этом в верховьях Сатледжа поклоняются локальным божествам женского пола. На основании этнографических и археологических материалов, а также данных письменных источников автором выдвигается гипотеза, что в верхнем течении рек Инд и Сатледж в древности могли проживать носители матриархально ориентированной культуры, вероятно, прекратившей свое существование еще до расцвета Шангшунга.

© Сохина М. Д., 2026

Ключевые слова

историческая ономастика; Западный Тибет; Шангшунг; Гуге; Ладакх; Лех; историческая география; средневековая китайская историография

Для цитирования

Сохина М. Д. *Nü guo* китайской историографии: К вопросу о локализации «Женских царств» Тибета. Часть II: Западный Тибет и Верхний Ладакх // Вопросы ономастики. 2026. Т. 23, № 1. С. 140–166. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.006

Рукопись поступила в редакцию 16.03.2025

Рукопись принята к печати 15.08.2025

Mariia Dmitrievna SOKHINA

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages and Educational Technologies, Ural Federal University (51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia).

Email: mariam1388@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0005-9463-2336>

Nü guo in Chinese Historiography: The Localisation of Tibetan “Women’s Kingdoms”

Part II: Western Tibet and Upper Ladakh

Abstract

In Chinese texts of the 5th–11th centuries (chronicles, treatises, encyclopedias, and travel accounts), the macro-toponym *Nü guo* ‘Kingdom of Women’ appears repeatedly. It was used in reference to both mythical and real polities in which women-rulers governed from generation to generation. This article is the second part of a study aimed at localising those Kingdoms of Women that were situated in Tibet or in its immediate vicinity. An analysis of written sources carried out by the author in the first part of the study demonstrated that the chronicles refer to Women’s Kingdoms located on different sides of the Tibetan Plateau. The research made it possible to establish the geographical location of one such kingdom that actually existed in Eastern Tibet during a certain historical period, namely until the mid-8th century. The second part of the study examines the possibility of locating the toponym *Nü guo* in the region of Western Tibet and the adjacent south-eastern part of Ladakh. These territories were once united by an ancient civilisation that left numerous residential and ceremonial monuments. At the beginning of the 7th century, the most powerful political formation in this vast area was the kingdom of Zhangzhung, where different cultural groups coexisted. The kingdom included once-prosperous agricultural lands situated in the valleys of the upper basins of the Indus and Sutlej rivers. The way of life characteristic of the local population until relatively recent times reveals several parallels with the Women’s Kingdom described in the Chinese chronicles; moreover, in the upper Sutlej region local female deities are venerated. On the basis of ethnographic and archaeological evidence and data from written sources, the author advances the hypothesis that bearers of an ancient matriarchally oriented culture may have lived in the upper courses of the Indus and Sutlej rivers. This culture probably ceased to exist even before the rise of Zhangzhung.

Keywords

historical onomastics; Western Tibet; Zhangzhung; Guge; Ladakh; Leh; historical geography; medieval Chinese historiography

For citation

Sokhina, M. D. (2026). *Nü guo* in Chinese Historiography: The Localisation of Tibetan “Women’s Kingdoms”. Part II: Western Tibet and Upper Ladakh. *Voprosy onomastiki*, 23(1), 140–166. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.006

Received on 16 March 2025

Accepted on 15 August 2025

Как было сказано в первой части исследования [Сохина 2024], китайский буддийский ученый и путешественник Сюаньцзан пишет о Царстве Золотого клана (蘇伐刺拏瞿咄羅 *Sufalanaqudalu*, на санскрите восстанавливается как *Suvarṇagotra*) к северу от страны Полосимобуло (婆羅吸摩補羅 *Poluoximobuluo*), лежащей в области истоков Ганга. Сюаньцзан утверждает, что Царство Золотого клана носило такое название, поскольку в этой стране добывали превосходное золото [Pelliot 1963: 699]. По сведениям паломника, это государство одновременно являлось Царством женщин (女國 *Nü guo*). Важно отметить, что Сюаньцзан не слышал о Женском царстве, пребывая в стране Цюйлудо (屈露多 *Quluduo*), которая примерно соответствует долине Куллу в верховьях р. Биас (здесь и далее см. карту). Страны Лохуло (洛護羅 *Luohuluo*) и Молосо (抹邏娑 *Moluosuo*) в горах к северу от Цюйлудо он с Царством женщин не отождествляет [Сюань-цзан 2012: 114–115], что может служить основанием для локализации Царства женщин именно в Западном Тибете, а не в Ладакхе.

Корейский паломник Хечо, побывавший в Индии в 720-х гг., спустя почти сто лет после Сюаньцзана, также упоминает о Суварнаготре (蘇跋那具怛羅 *Subanajudalu*). Он говорит о ней как о маленькой стране с очень холодным климатом, зависимой от Тибета, и размещает ее за Гималаями, в месяце пути на восток от царства Джаландхара (*Jālandhara* — восстановленное название на санскрите, у Хечо — 閻蘭達羅 *Shelandalu*). Он добавляет, что одежда жителей Суварнаготры похожа на одежду обитателей Северной Индии, но их язык другой [Wegehaupt 2012: 106]. Хечо не приравнивает Суварнаготру к Царству женщин: о последнем он совершенно умалчивает.

Царство Джаландхара (у Сюаньцзана — 閻爛達羅 *Shelandalu*), где побывали оба паломника, согласно маршруту Сюаньцзана, находилось к юго-западу от Цюйлудо / Куллу [Сюань-цзан 2012: 114]. По всей вероятности, оно включало современный город Джаландхар и окружающие территории. Возможно, царство доходило до Кангры к западу от Куллу. В любом случае

Рассматриваемые территории в Западном Тибете, Ладакхе и регионе Гиндукуш — Каракорум

общее направление движения на восток из региона к юго-западу от Куллу неизбежно приводит путника в Западный Тибет, если быть точнее — в Гуге (*Gu ge*), бассейн верхнего течения р. Сатледж к северу от истоков Ганга, и это возвращает нас к повествованию Сюаньцзана¹.

¹ Впрочем, учитывая, что путешественники прошлого не имели современных навигационных устройств, не следует воспринимать обозначенное ими направление буквально: например, восток может оказаться северо-востоком или юго-востоком. Так, в песне, приписываемой тибетскому

Мирза Хайдар, военный деятель Яркендского ханства, вторгшийся в Гуге в 1530-е гг., писал, что там «...повсюду можно найти золото. Везде, где они копают землю и высыпают ее на подстилку, они находят золото. Самые маленькие кусочки размером с чечевицу или маш, и говорят, что иногда попадаются комки размером с баранью печень»² [Elias 1895: 411]. По словам полководца, местное золото не уменьшается в объеме, что бы с ним ни делали, «только огонь имеет на него какое-то воздействие» [Ibid.: 412]. Несмотря на возможное преувеличение, повествование Мирзы Хайдара однозначно свидетельствует о добыче золота в верховьях Сатледжа и его высоком качестве. Следы досовременных золотых рудников действительно встречаются в Гуге. Напротив одного из таких участков, протянувшегося на расстояние более 2 км, находится скопление обитаемых в прошлом пещер [Bellezza 2014a: A-61], в которых, вероятно, жили золотодобытчики.

Примечательно, что Мирза Хайдар, описывая образ жизни тибетских кочевников, сообщает, что зимой они спускались с нагорья в Индию для торговли. Среди тибетских товаров он упоминает соль и золото [Elias 1895: 408]. Судя по всему, речь идет об обширной трансгималайской торговле, заключавшейся в обмене соли из многочисленных озер Тибетского плато на зерно и продукты ремесла приграничных районов Индии и Непала. Некоторые гималайские общины накопили исключительный опыт в качестве посредников, приобретая соль у тибетских скотоводов и продавая ее жителям равнин и предгорий [Rizvi 1996: 97].

Могло ли население дотибетского Гуге принимать активное участие в торговле солью, подобно обитателям Царства женщин? Ответ кроется в самом расположении бассейна Сатледжа на юге Западного Тибета: к северо-востоку от него простирается плато Чангтан (*Byang thang*) с соляными озерами, а к югу высится стена Гималаев, отделяющая его от Индии. Между Гуге на западе и Пурангом (*Spu hreng*) на востоке находился старый центр тибетско-индийской торговли *Rgya nyi ma*, действовавший вплоть до закрытия тибетской границы в середине XX в. На этот рынок со своей солью и шерстью приходили даже из Рутуга (*Ru thog*) [Khenrap 2000: 57], богатого золотом района на севере Западного Тибета, непосредственно к югу от Хотана. Скорее всего, эта традиция восходит к доисторическому периоду и через торговцев зерном и солью рассказы о Царстве Золотого клана к югу

паломнику XIII в. *U rgyan pa Rin chen dpal*, поется, что он шел из Джаландхара на восток в *Mar yul* [Li 2011: 213], т. е. в Ладакх, фактически находящийся больше к северу, чем к востоку. Путь занял у него месяц. Следовательно, полученная Хечо информация о Суварнаготре может в равной степени указывать на расположение этой страны как в Западном Тибете, так и в Ладакхе.

²Здесь и далее перевод с английского наш. — М. С.

от Хотана и к западу от Центрального Тибета распространялись по царствам, лежавшим в верховьях Ганга³.

Расположение Гуге на юге Западного Тибета, которое согласуется со сведениями о Суварнаготре, полученными Сюаньцзаном и Хечо, наличие в нем золота и потенциальная вовлеченность его древних жителей в трансгималайскую торговлю солью наводят на мысль о возможном местонахождении на этой территории Царства женщин.

Однако есть данные, опровергающие эту гипотезу. В 630–640-х гг., когда Сюаньцзан путешествовал по Индии, верховья Сатледжа были ядром государства Шангшунг (*Zhang zhung*), о чем свидетельствуют не только устные предания и тексты религии бон, но и административно-территориальное деление Шангшунга после его присоединения к Тибетской империи. Согласно тибетским историческим трудам «*Rgya bod kyü chos 'byung rgyas pa*» («*Mkhas pa Lde'u*») и «*Mkhas pa'i dga'ston*», основанным среди прочего на источниках имперского периода, в середине VIII в. Гуге вместе с прилегающими районами — долиной р. Спити (*Spi ti / Snyi ti*), впадающей в Сатледж с севера у китайско-индийской границы, и местностью *Gu cog / Cog la* между Гуге и Спити — были округами Нижнего Шангшунга (*Zhang zhung smad*) [Dotson 2006: 162, 169, 190]. В эпическом тексте о «верхнем (т. е. западном. — М. С.) полке героев», сражавшемся с тюрками, *Gug ge* и *Gu cog* действуют как центры командования этой частью тибетской армии [Ibid.: 375].

Древнетибетская хроника содержит песни царицы *Sad mar kar*, сестры тибетского императора, выданной замуж за шангшунгского царя *Lig Myi rhya*. Своими песнями царица в иносказательной форме побуждает брата к решительным действиям — напасть на пренебрегающего ею и потому ненавистного *Lig Myi rhya* и завоевать Шангшунг. В первой песне есть такие слова: «Доля крепостных, которая была выделена (мне), — это *Gu ge rkang pran*» [Uray 1972: 8–10, PT 1287]. Сходный мотив встречается в древнетибетском ритуальном тексте, включающем рассказ о девушке из знатной семьи, которая совершила самоубийство из-за нежелания выходить замуж за правителя *Gu ge rkang phran* [PT 1136].

Истории этих девушек, вымышленные или реальные, определенно дают понять, что Шангшунгом и Гуге правил мужчина-царь. Во всех известных на сегодняшний день документах, среди которых древнетибетский список доимперских княжеств и Древнетибетские анналы [Vacot et al. 1940: 80,

³О древности торговых связей между бассейном Верхнего Сатледжа и влажными предгималайскими долинами Индии говорит открытие бамбукового ритуального предмета в одном из захоронений Гуге, которое относится к I тыс. до н. э. [Bellezza 2008: 112, 115].

PT 1286; Dotson 2009: 82, PT 1288], главой Шангшунга выступает правитель-мужчина, чаще всего носящий имя *Lig Snya shur / Lig Myi rhya*.

Древнетибетский ритуальный текст [PT 1060] утверждает, что царь *Lig Snya shur* правил в земле *Chab gyi Ya bgo*, название которой можно перевести как «Страна истоков». Очевидно, тут подразумевается область истоков Брахмапутры, Инда и Сатледжа, охватывающая в том числе район Гуге. Крепость земли *Chab gyi Ya bgo* носила название *Khyung lung Rngul mkhar*. Царица *Sad mar kar* в Древнетибетской хронике упоминает эту крепость как свое новое владение [Uray 1972: 7].

В соответствии с хроникой «*Mkhas pa'i dga' ston*» в *Khyung lung Rngul mkhar* размещалась резиденция губернатора Шангшунга в составе Тибетской империи [Dotson 2006: 300].

Бонское сочинение по истории и священной географии «*Tise'i dkar chag*», написанное в XIX в., содержит две классификации царей, правивших в разных землях Шангшунга. И в том и в другом списке правители Гуге ассоциируются с районом *Khyung lung* [Vitali 2008: 382–383, 385–386].

Таким образом, *Khyung lung* был важным политическим центром, откуда осуществлялось управление территорией Гуге и, вероятно, всем царством Шангшунг.

В деревне *Khyung lung* на востоке Гуге находится архаичный жилой комплекс, состоящий из более чем 250 пещер — как естественных, так и вырубленных человеком. Рядом стоят руины большого жилого сооружения под названием *Khyung lung mkhar rtse*, которые местные жители также именуют *Khyung lung dngul mkhar*. Сравнительно небольшая площадь памятника, его нестратегическое расположение в глубоком изолированном уголке долины Сатледжа, а также архитектурный стиль, не наблюдаемый на древних культурных объектах, позволяют сделать вывод, что этот комплекс не мог функционировать как столица региона и, скорее всего, был основан после 1000 г. н. э. [Bellezza 2014a: B-117].

Легендарная крепость Шангшунга, по всей видимости, располагалась выше по течению Сатледжа, примерно в 10 км к северо-востоку от деревни *Khyung lung*. Руины разрушенной цитадели *Mkhar gdong* занимают площадь 20 000 м² на стратегическом стыке широких долин районов Гар (*Sgar*) и Верхний Пуранг (*Spu hreng stod*) и каньонов Гуге⁴. Крепость возвышалась над

⁴По предварительным данным радиоуглеродного анализа, *Mkhar gdong* датируется 400–700 г. н. э. [Bellezza 2008: 112, fn. 111], что вписывается во время существования царства Шангшунг, окончательно завоеванного Тибетской империей в 640-е гг. На основании радиоуглеродного тестирования также можно предположить, что на участке были и более ранние периоды заселения [Ibid.].

слиянием четырех рек поблизости от захоронений *Gurugyam (Chu nag rdo ring)*, самого крупного кладбища, обнаруженного в Западном Тибете [Bellezza 2014a: A-45].

Как видно, в этом месте на востоке Гуге лежала столица царства Шангшунг, которое состояло по меньшей мере из нескольких крупных районов Западного Тибета.

Обширные пространства Западного Тибета, охватывающего часть населенного преимущественно скотоводами высокогорного плато Чангтан и значительные в прошлом сельскохозяйственные земли в речных долинах Гуге, Гара, Пуранга и Рутога, объединяются древней цивилизацией, которая характеризуется цельнокаменной архитектурой и особыми церемониальными памятниками в виде менгиров — вертикально стоящих камней — и каменных ограждений. Данные ритуальные сооружения широко распространены по всей территории от истоков Сатледжа до 90 меридиана к северу от Трансгималайского хребта и до 85 меридиана на юге, по течению Брахмапутры [Bellezza 2014c: 140, 143], — в более крупном регионе, называемом Верхний Тибет⁵. Здания с каменными крышами образовывали один из основных типов архаичных жилых строений практически на всей его площади [Bellezza 2014a; 2014b].

Природные условия в Гуге отличаются от таковых в других районах Западного Тибета, отсюда ряд особенностей архитектуры. Так, строительный камень в бассейне Верхнего Сатледжа не везде присутствует в достаточном количестве, поэтому при возведении стен в дополнение к каменным материалам издревле применяли саманные блоки, а для создания крыш использовали древесину. Многие древние поселения состоят из высеченных человеком пещер. Тем не менее на востоке Гуге представлены церемониальные постройки, типичные для всего Верхнего Тибета: каменные ограждения и столбы-менгиры внутри каменных ограждений [Bellezza 2014b: C-104, C-121]. Здесь также обнаружен внушительный памятник, подобный тем, что свойственны Чангтану, — ряды столбов с примыкающим сооружением [Ibid.: C-146]. На юге Гуге, на участке, где естественная среда напоминает Чангтан, имеются два больших прямоугольных ограждения в виде стен из нагроможденных камней [Ibid.: D-90]. В этой же местности вблизи индийской границы

⁵В ходе становления и развития цивилизации Верхнего Тибета ее носители, по-видимому, взаимодействовали с доскифским и скифским населением степей Центральной Азии бронзового и железного веков, оставившим после себя похожие церемониальные памятники [Bellezza 2008: 95–98]. Не исключено, что впоследствии, в середине I тыс. н. э., тюрки переняли у своих верхнетибетских современников некоторые особенности возведения ритуальных конструкций [Ibid.: 108].

есть цельнокаменная архитектура, свидетельствующая о культурной близости Гуге с высокогорным плато [Bellezza 2014a: A-102].

В центральной части района менгиры встречаются редко: похоже, сказалась близость буддийских центров Цапаранг (*Rtsa brang*) и Тхолинг (*Mtho lding*). Столб *Mon bu rdo ring* высотой 2,5 м уцелел в том числе и потому, что стоял в отдалении от крупных монастырей [Bellezza 2014b: C-169]. Знаменательно, что в непосредственной близости от менгира обнаружены руины цельнокаменных построек [Bellezza 2014a: B-125].

Важным типом древних церемониальных строений, распространение которых ограничивается Западным Тибетом, являются кубические гробницы на вершинах гор, которые, скорее всего, использовались для захоронения высокопоставленных жрецов. Гробницы этого вида присутствуют как в Чангтане на севере [Bellezza 2014b: E-24], так и в Пуранге [Ibid.: E-21] на юге региона; возводились они и в Рутоге — на крайнем северо-западе [Ibid.: E-28]. В Гуге такие памятники не зафиксированы, при этом нужно отметить, что в районе найдены остатки древних святынь, частью которых был кубический элемент [Bellezza 2014a: A-141, B-83]. Руины кубических святынь наблюдаются по всему Западному Тибету [Ibid.: B-37, B-49, B-33], что предполагает схожие верования и обряды на всей протяженности региона.

Как показывают вышеперечисленные архаичные объекты в Гуге, на определенном этапе истории район Верхнего Сатледжа действительно представлял собой органичную часть цивилизационной общности Западного и — шире — Верхнего Тибета, хотя и, несомненно, обладал культурной самобытностью.

Принадлежность к рассматриваемой цивилизации, судя по всему, объединяла земли, где правили цари Шангшунга, перечисленные в бонском тексте «Tise'i dkar chag». Среди этих земель фигурируют не только различные районы Верхнего Тибета, но и Ладакх [Vitali 2008: 385–387]. Материалы археологии подтверждают, что цивилизация Верхнего Тибета простиралась на запад, за границы современного округа Нгари Тибетского автономного района.

В долине Нубры, входящей в регион Ладакх, обнаружены руины древнего поселения, характеризующиеся теми же чертами, что и архаичные постройки Верхнего Тибета: маленькие комнаты без окон, стены из беспорядочных камней, топографическая интеграция [Devers et al. 2015: 13]. Древние захоронения Нубры, состоящие из прямоугольных или круглых массивов вбитых в землю камней, напоминают захоронения Западного Тибета [Ibid.: 57–59, 123–125]. Долина Нубры географически связана с Рутогом: озеро Пангонг-Цо в Рутоге раньше имело сток в р. Шайок, в которую впадает Нубра. По всей

вероятности, миграция из Западного Тибета в долину Нубры осуществлялась прежде всего из Рутога⁶.

В собственно Ладакхе — долине Инда от границы с Западным Тибетом до Линии контроля между Индией и Пакистаном — цельнокаменные строения встречаются вниз по течению Инда до впадения в него р. Занскар (*Zangs dkar*). Меньшее количество подобных построек и менее разнообразные техники каменной кровли указывают на то, что эта часть Ладакха находилась на краю ареала верхнетибетской архитектурной традиции [Devers 2018: 104]. Должно быть, носители цивилизации Верхнего Тибета проникали в регион еще до его присоединения к Тибетской империи, двигаясь вниз по долине Инда, а также из Рутога. В последнем случае им приходилось бы пересекать хребет Ладакх по перевалам. Самый легкий перевал — Чангла (*Byang la*) — открыт круглый год и ведет в долину Чемре, богатую древними оборонительными сооружениями, среди которых есть укрепления с каменными крышами [Devers 2016: 45; 2017: 322, 333, fig. 3].

Учитывая цель настоящего исследования, особый интерес вызывают древние захоронения, обследованные немецким миссионером А. Г. Франке в начале XX в. в долине Леха (*Gle*). Эти выложенные камнем камеры глубиной не менее 180 см содержали глиняные сосуды, заполненные человеческими

⁶Тесные контакты между Нуброй и Рутогом отражены в наскальном искусстве. Среди наскальных изображений Нубры есть уникальный для Ладакха сюжет: женщина на корточках рождает ребенка; аналогичные сцены присутствуют в Рутоге и Центральной Азии [Bellezza 2014c: 176–177; Devers et al. 2015: 40]. Другой поразительный общий мотив петроглифов — маскоиды. В Рутоге задокументировано около 50 разных лиц, причем в остальной части Верхнего Тибета они полностью отсутствуют [Bellezza 2014c: 182]. Маскоиды — редкость в наскальном искусстве Ладакха, однако на памятнике Мурги Токпо в Нубре их зарегистрировано около сотни [Devers et al. 2015: 72]. Это еще одна линия, связывающая территории Рутога и Нубры друг с другом и с Центральной Азией. Очевидно, долина Нубры служила одним из каналов, по которым центральноазиатское влияние из Таримского бассейна достигало Рутога и Верхнего Тибета в целом. Другим таким каналом, соединявшим Рутог и современный Синьцзян, могла быть восточная дорога через Пулу и Керю — хороший маршрут, проходивший по равнинам Чангтана в местности, где доступны вода и корм для скота [Johnson 1867: 10, 12–13]. Рутог — единственный район Верхнего Тибета, в петроглифах которого четко просматриваются мотивы, созвучные наскальному искусству доскифского и скифского населения Центральной Азии позднего бронзового и железного веков (1200–300 гг. до н. э.) [Bellezza 2008: 190–193, 196]. На более поздние контакты с Центральной Азией могут указывать обнаруженные в Рутоге захоронения, которые, скорее всего, принадлежали древним уйгурам и ориентировочно датируются IV–VIII вв. н. э. [Ibid.: 197, fn. 210]. Связь Рутога с кочевым миром степей прослеживается и в устной традиции района: согласно легенде, передаваемой из поколения в поколение, главную цитадель Рутога на холме *Rdzong ri* основал *Bshan pa* («Мясник») *sme ru rtse*, тюркский или монгольский полководец, один из героев эпоса «Гесар». То, что считалось его забальзамированным телом, хранилось в крепости до середины XX в. [Khenrap 2000: 35–36; Bellezza 2014a: A-17]. Историческая роль Рутога состоит в том, что благодаря своему расположению он стал своего рода воротами в Тибет, через которые перемещалось население, вторгались центральноазиатские завоеватели и передавались культурные достижения.

костями, и черепа долихоцефалической формы [Francke 1914: 71–72], в общем не характерные для тибетского населения Ладакха. Захоронение костей в сосудах можно воспринимать как прямую отсылку к погребальному обряду Царства женщин, описанному в китайских хрониках [Pelliot 1963: 695, 701].

По сведениям, предоставленным миссионеру уроженцами поселения Гья (*Rgya*) и его окрестностей, в этой местности древние могилы тоже обладали стенами из каменной кладки и были весьма глубокими, там размещалось множество черепов на сосновых досках [Francke 1914: 64–65], при этом информанты ничего не сообщили о наличии в захоронениях керамических сосудов с костями.

Как Лех, столица региона, так и деревня Гья находятся в Верхнем Ладакхе, выше слияния Инда и Занскара, — в области, охваченной памятниками верхнетибетского типа. В самом деле, захоронения кладбища *Gurugyam* рядом с предполагаемой столицей Шангшунга имеют сходные с могилами в Лехе и Гья прямоугольные каменные камеры. Однако способ захоронения останков в корне отличается от погребений Леха — это ингумация, в том числе в деревянных гробах [Tong et al. 2016: 28–29]. Кроме того, археологи отмечают, что в целом в каменных камерах *Gurugyam* керамические изделия редки, они довольно маленькие и грубые [Ibid.: 47]⁷.

Керамика, извлеченная из лехских захоронений, включала образцы с темно-красной росписью и сосуды с «отпечатанными» линейными орнаментами [Francke 1914: 71–72]. Линейные орнаменты, о которых писал А. Г. Франке, могут соответствовать отметкам шнура, тем более что общий вид горшков из Леха очень похож на шнуровую керамику, которая наблюдается на многих археологических памятниках Верхнего Ладакха и Занскара, а также Западного Тибета и прилегающих к нему районов Западных и Центральных Гималаев [Broglia de Moura 2020: 19–23]. Наиболее вероятно, что шнуровые изделия сначала появились в Западном Тибете, так как там были найдены самые ранние образцы, а затем керамика этого вида распространилась по соседним областям [Ibid.: 26, 28]. В основном шнуровые сосуды находят в погребальном контексте. Достаточно большое количество шнуровой керамики обнаружили на кладбище *Chuvthag* у города Тхолинг в центральной

⁷ Любопытно, что среди нескольких могил кладбища *Gurugyam* III–IV вв., вскрытых археологами, есть совместное захоронение восьми человек, из которых семь — близкие родственники по материнской линии [Zhang et al. 2020: 445]. На кладбище *Qulongzasha*, расположенном в этой же местности и схожем по погребальному инвентарю, в семейном захоронении IV в. были останки мужчины, связанного с семьей только материнским родством [Bai et al. 2024: 2600, 2601, fig. 4B]. Данные открытия могут свидетельствовать о существовании сообществ, где предпочтение отдавалось матрилинейному родству, на востоке Гуте.

части Гуге, причем некоторые из этих сосудов были украшены нарисованными узорами [Tong et al. 2016: 37–40], похожими на роспись в виде завитков на одном из экземпляров, найденных в Лехе [Broglia de Moura 2020: 21, fig. 1].

Отдельные типы керамических изделий на кладбище *Chuvthag* — крупные сосуды и небольшие расписные горшки с резным декором — демонстрируют по-настоящему высокое качество и отражают развитую местную традицию, не получившую широкого распространения в других районах Западного Тибета [Tong et al. 2016: 47]. Отсюда напрашивается вывод, что древнее производство керамики в регионе достигло наивысшего расцвета в центре Гуге.

Продолжая сопоставление лехских могил и захоронений кладбища *Chuvthag*, необходимо обозначить еще одну их общую черту — обилие бронзовых украшений примерно одинаковой формы [Francke 1914: 73, plate XXIXa; Tong et al. 2016: 34, 37, 43–44]. Вместе с тем способ погребения останков на кладбище *Chuvthag* принципиально иной: людей хоронили в деревянных гробах в согнутом положении, лежа на боку. Эти могилы — пещерные захоронения с вертикальным ходом [Tong et al. 2016: 32–37, 47].

Пещерные погребения кладбища *Chuvthag* напоминают обряд захоронения знати в пещерах с сопутствующим жертвоприношением людей и животных, описанный в энциклопедии «Тундянь» (801), в заметке о царстве Большой Янтун (大羊同 *Da Yangtong*) [Pelliot 1963: 708]. Золотые маски, обнаруженные на кладбищах *Chuvthag* и *Gurugyam* (а также в захоронениях Западных и Центральных Гималаев, смежных с Западным Тибетом), отдаленно перекликаются с наложением золотого носа и серебряных зубов на лицо умершего в Большом Янтуне [Tong & Li, 2016: 85–87]. «Тундянь» говорит о том, что люди в царстве Большой Янтун заплетали волосы в косы. В могилах *Chuvthag* множество мелких косичек окружали черепа умерших [Tong et al. 2016: 34–37].

По-видимому, существует непосредственная связь между захоронениями кладбища *Chuvthag* и царством Большой Янтун. В соответствии с энциклопедией «Тундянь», царство Большой Янтун на востоке граничило с Тибетом (吐蕃 *Tufan*), на западе — с Малым Янтуном (小羊同 *Xiao Yangtong*), на севере простиралось в сторону Хотана (于阗 *Yutian*) [Pelliot 1963: 708]. Северные и восточные границы Большого Янтуна фактически совпадают с границами Суварнаготры / Царства женщин у Сюаньцзана. Южная граница Большого Янтуна не определена, то же самое можно сказать и о Суварнаготре, с тем лишь уточнением, что страна лежит где-то в горах к северу от царства Полосимобуло на северо-западе Уттаракханда. Расхождение наблюдается лишь относительно западных рубежей. Согласно маршруту из Китая в Непал, приведенному в буддийском географическом справочнике «Шицзя фанчжи» (650),

царство Малый Янтун находилось непосредственно к юго-западу от Тибетского государства [Pelliot 1963: 710]. Это напрямую противоречит сведениям, изложенным в «Тундянь». Царство Саньбохэ (三波訶 *Sanbohe*, оно же Молосо 抹邏娑 *Moluosuo*, по утверждению Сюаньцзана), западный сосед Суварнаготры, выглядит не менее загадочно. Оно приравнивается к Ладакху чисто гипотетически, исходя из его местоположения к северу от Лахула.

Если энциклопедия «Тундянь» четко разграничивает Царство женщин и Большой Янтун (о чем свидетельствует наличие в ней отдельного описания Женского царства), то «Шицзя фанчжи», частично повторяя рассказ Сюаньцзана о Суварнаготре / Царстве женщин, добавляет: «Оно (Царство женщин. — М. С.) вне пределов Индии, и его также называют Царство Большой Янтун (大羊同 *Da Yangtong*)» [Pelliot 1963: 699].

Как бы там ни было, принимая во внимание границы царств и их погребальные обычаи, кажется очевидным, что и Царство женщин, и Большой Янтун входили в цивилизационное пространство, объединявшее Верхний Тибет, Верхний Ладакх и прилегающие гималайские районы. В связи с этим следует привести еще несколько фактов о Большом Янтуне. Энциклопедия «Тундянь» сообщает, что в этом царстве не было письменности. В Верхнем Тибете также не было обнаружено следов дотибетской письменности [Bellezza 2014c: 221–222]. Холодный климат Большого Янтуна вполне соответствует суровым условиям Верхнего Тибета, а разведение скота как основное занятие жителей царства — образу жизни кочевников Чангтана. Надо полагать, именно кочевники составляли основную силу внушительной армии Большого Янтуна: царство собирало войско в 80–90 тысяч обученных солдат, что сопоставимо с армией Тибетской империи [Pelliot 1963: 705–706, 708].

Располагая военной мощью, Большой Янтун выступал политическим лидером на очерченном выше цивилизационном пространстве. Китайский макротопоним *Янтун* (羊同 *Yangtong*) явно соответствует тибетскому *Шангшунг* (*Zhang zhung*). Древнетибетские анналы гласят, что, когда *Lig Snya shur* потерпел поражение, весь Шангшунг был покорен [Dotson 2009: 82]. Несмотря на то что в «Тундянь» клановое имя царя Большого Янтуна записано как Цзян Гэ (姜葛 *Jiangge*) [Pelliot 1963: 708], маловероятно, чтобы на западных границах зарождающейся Тибетской империи существовало еще одно царство, способное практически на равных ей противостоять. Поэтому логично предположить, что Шангшунг, которым управлял *Lig Snya shur* из центра на востоке Гуге, соответствует Большому Янтуну энциклопедии «Тундянь». Будучи самым сильным царством в регионе, Шангшунг, должно быть, оказывал влияние на соседние государственные образования и союзы племен. Что касается Царства женщин, то оно могло располагаться на одной из территорий,

подконтрольных Шангшунгу, и, возможно, прекратило свое существование еще до его расцвета.

Возвращаясь к теме захоронений, нельзя не упомянуть о том, что сосуды с человеческими костями, по словам местных жителей, видели как минимум в двух местах в Гуге. Оба участка размещаются непосредственно к северу от истоков Ганга, где, судя по информации Сюаньцзана, лежало царство Полосимобуло. Один из них находится всего в нескольких километрах к востоку от Цапаранга, столицы буддийского царства Гуге с XV в. по 1630 г., и представляет собой когда-то обитаемый пещерный комплекс вблизи заброшенных полей [Bellezza 2014a: A-62]. Другой расположен к юго-западу от Цапаранга и состоит из руин, отождествляемых устной традицией с замком и деревней древних жителей территории [Ibid.: A-111].

Невдалеке от второго участка раскинулись остатки впечатляющего буддийского монастырского комплекса. Похожее на столовую гору образование, покрытое руинами, напоминает близлежащий Цапаранг, хотя и обладает меньшими размерами. Стратегическое положение объекта и его ассоциация с древним мифическим монстром *stu* говорят о том, что этот комплекс на вершине мог быть главным архаичным центром, полностью переработанным буддистами, а второстепенные памятники (такие как руины, возле которых были найдены сосуды, полные костей) просто не стали объектами последующего переселения буддистов [Ibid.].

Аналогичным образом, несмотря на то что в Цапаранге не обнаружено останков архаичных построек, на его месте могла выситься крепость, откуда осуществлялось управление окрестностями в древние времена. Об этом говорит местонахождение Цапаранга в центре некогда процветавшего сельскохозяйственного района, а также предположения приверженцев религии бон о том, что здесь была важная добуддийская цитадель [Ibid.: A-62].

Помимо археологических объектов буддийской эпохи, отдельные из которых, возможно, являют собой более древние места поселения, район Гуге богат и бесспорно архаичными крепостями и поселениями на вершинах. Жилые комплексы *Phi'a mkhar* площадью около 2 200 м² на западе Гуге выделяются исключительным качеством каменной кладки и необычно длинной куртиной [Ibid.: A-101]. Несколько севернее расположена величественная цитадель *Ma ni thang mkhar*, возвышающаяся над окружающими ее руинами большого поселения и заброшенными сельскохозяйственными угодьями, — один из самых важных архаичных памятников района [Ibid.: A-121]. Другой крупнейший археологический объект в Гуге — *Rgyu mgul mkhar*, состоящий из шести скальных обнажений и примыкающих к ним территорий, на которых размещалось множество зданий с сотнями комнат.

Достаточно плотное скопление построек занимает территорию не менее 30 000 м² [Bellezza 2014a: A-60].

Опираясь на данные Сюаньцзана, можно допустить, что одно из древних укрепленных поселений Гуге к северу от истоков Ганга послужило прообразом столицы Царства женщин, о которой в «Книге Суй» сказано: «На горе они построили городскую стену площадью пять или шесть ли» [Pelliot 1963: 694]⁸.

В самом сердце Гуге, примерно в 10 км от Цапаранга ниже по течению Сатледжа, в одной из пещер находится старинный буддийский храм, который до недавних пор украшали фрески, относящиеся к периоду 1200–1400 гг. На стене возле входа были изображены территориальные божества (*yul lha*). Большинство этих фигур — женские, что отражает преобладание местных божеств женского пола в Гуге к югу от Сатледжа [Bellezza 2015: figs. 18–26]⁹. Среди них представлена и *Rdo rje chen mo* [Ibid.: fig. 20], территориальное божество Тхолинга, покровительница выдающегося религиозного деятеля и переводчика X–XI вв. *Rin chen Bzang po*, защитница монастырей и храмов в Западном Тибете, Верхнем Ладакхе и долине Спити.

В числе монастырей, охраняемых *Rdo rje chen mo*, — монастырь Табо в Спити, один из старейших в Гималаях. В его входной часовне, датируемой около 996 г., имя богини-защитницы главного храма значитсся как *Wi nyu myin* [Jahoda 2006: 19]. Как соотносятся богини *Wi nyu myin* и *Rdo rje chen mo*,

⁸ Вместе с тем стоит принять к сведению, что крепости и жилые комплексы на возвышениях, часто над земледельческими анклавами, образуют древнюю модель расселения во всем Западном Тибете [Bellezza 2014a]. В Верхнем Ладакхе, который испытывал сильное культурное влияние со стороны Западного Тибета, также встречаются остатки укрепленных поселений такого рода; яркий пример — *Stok mon mkhar*, крупная архаичная цитадель, включавшая здания с каменными крышами верхнетибетской традиции [Vernier 2013].

⁹ Есть указания на то, что в прошлом божества женского пола господствовали и в некоторых других районах Западного Тибета. На восточных границах Гуге, недалеко от котловины *Rgya nyi ma*, досовременного центра тибетско-индийской торговли, высится гора *Jo mo ri rang* с большой цельнокаменной цитаделью. *Jo mo ri rang* — местное божество женского пола, считающееся очень опасным и влиятельным. Похоже, *Jo mo ri rang* является буддийской формой почти забытой и демонизированной древней бонской богини *Sgra bla'i rgyal mo*, связанной с озером Ланга-Цо (*La lnga mtsho*) приблизительно в 40 км к востоку от этого места [Bellezza 2014a: A-54, B-132]. Одна из главных резиденций царицы-воительницы *Sgra bla'i rgyal mo* — массив *Stag ri khra bo*, вздымающийся к юго-востоку от озера. Горная обитель богини намного выше и больше, чем знаменитый Кайлас на севере [Bellezza 2008: 326]. Как справедливо заметил Дж. В. Беллецца, *Sgra bla'i rgyal mo*, находясь и в озере (озера в тибетской культуре обычно ассоциируются с женским началом. — М. С.), и в горе, охватывает основные символы дихотомической вселенной, тогда как мужские божества чаще всего обитают только на горах верхней сферы [Ibid.]. Другой пример былого могущества женских божеств просматривается в районе *Rgod tshang stod*, в области истоков Инда. Расположенная здесь гора *An 'bri rtse*, на которой размещаются руины не менее 24 кубических гробниц, — локальное божество женского пола. По утверждению местного жителя, раньше *An 'bri rtse* была главным территориальным божеством района [Bellezza 2014b: E-11].

доподлинно неизвестно. Возможный ответ кроется в биографии *Rin chen Bzang po*, которому приписывается строительство главного храма Табо. В жизнеописании великого переводчика есть следующий эпизод: когда он намеревался построить храм у себя на родине, на крайнем западе Гуге, ему пришлось подчинить местного духа воды женского пола и трех ее сестер. Он связал их клятвой и назначил покровителями буддийских храмов [Jahoda 2006: 23]. Скорее всего, до распространения буддизма *Wi nyi myin* являлась влиятельным территориальным божеством в поселении Табо (*Ta pho*). Впоследствии она была оттеснена на второй план буддийской фигурой *Rdo rje chen mo* и в конечном итоге забыта. К тому же не исключено, что в древности в Спити, как и на значительной части Гуге, поклонялись в первую очередь женским божествам. В любом случае можно с уверенностью утверждать, что долина Спити была соединена с Гуге культурными узами: в погребениях района доминирует шнуровая керамика западнотибетского типа, притом местные образцы демонстрируют сходство с гончарными изделиями кладбища *Gurugyam* [Bellezza 2016]. Более того, в округе Лахул и Спити, как и в центре Гуге, сообщают о захоронениях костей в сосудах [Ibid.].

По крайней мере одно из мест в Гуге, где жители находили керамические сосуды, полные человеческих костей, ассоциируется ими с монами — древними обитателями района [Bellezza 2014a: A-111]. Согласно устной традиции, им принадлежали давно заброшенные поля в Гуге, Гаре и Рутуге [см., например: Ibid.: A-121, A-66, B-79]. Руины сооружений, связываемых с монами (*Mon* или *Skal mon*), широко распространены по всей территории Тибета к западу от 89 меридиана [Ibid.; 2014b]. Монам приписывают не только замки на возвышениях и другие архаичные жилые постройки [см., например: Ibid.: A-66, A-70, A-121, B-36, B-49, B-83], но и многочисленные церемониальные строения, включая кубические гробницы на вершинах гор [Bellezza 2014b: E-11, E-12, E-17, E-27, E-28; и др.]. Самое крупное кладбище в регионе, *Gurugyam*, раскинувшееся вблизи предполагаемой столицы Шангшунга, также соотносится с монами: по словам монахов соседнего монастыря, там находятся руины их древнего поселения [Ibid.: C-121]. Район, где размещаются эти обширные захоронения, носит название *Mon 'tsher* «Покинутый монами». Наименование происходит от местного поверья, что в далеком прошлом здесь проживало много монов, но в какой-то момент они полностью исчезли [Ibid.: C-146].

В Ладакхе памятники, связываемые с древними монами, расположены на той же территории, что и здания с каменными крышами, принадлежащие верхнетибетской архитектурной традиции, — вдоль долины Инда от границы с Тибетом до слияния Инда и Занскара [Devers 2018: 104–105, 121, fig. 2, 122, fig. 3].

Лежащие в этой области захоронения в окрестностях Гъя у местных жителей ассоциируются с монами [Francke 1914: 64].

Площадь распространения археологических объектов, соотносимых с монами, полностью вписана в ареал цивилизации Верхнего Тибета. Следовательно, моны могли быть населением всего этого макрорегиона и царства Шангшунг в частности.

Этноним *Mon* в тибетском языке служит общим названием жителей предгималайских районов к югу от Тибета, издревле занимавшихся охотой [Das 1902: 976]. Однако жизнеописание тибетского религиозного деятеля *Mar lung pa*, созданное в XIII в., сообщает, что *Mon* и другая этническая группа, известная как *Skal / Bskal*, являлись населением Севера. Будучи изгнанными из своей страны хорами (в тибетской литературе этноним *Hor*, как правило, обозначает тюрков или монголов. — М. С.), они прибыли в южные районы Западного Тибета и расселились в разных местах. Текст также упоминает, что у *Skal mon*, которые, очевидно, слились в единое племенное образование на новой родине, был царь и что они построили большой замок [Bellezza 2014a: fn. 14]. Данное сообщение обеспечивает историческую основу для повсеместной в Верхнем Тибете устной традиции, в соответствии с которой Чанган когда-то был широко заселен *Skal mon* [Ibid.]. Согласно преданиям Чангма (*Byang ma*) и Гердзе (*Sger rtse*), в этих районах Чангтана когда-то проживали две группы — *Mon* и *Byang ba ha shes*. Они были тесно связаны друг с другом и исчезли задолго до прибытия в эти края тибетских кочевников [Bellezza 2014b: C-160, fn. 137]. Из вышесказанного следует, что на пастбищах высокогорного плато сосуществовало несколько этнических групп, по-видимому, близких друг другу по культуре. Принимая во внимание местные природные условия, в Чангане моны неизбежно занимались бы прежде всего скотоводством, что контрастирует с большим количеством заброшенных полей, ассоциируемых с монами, на бывших сельскохозяйственных территориях Западного Тибета.

Китайские хронисты связывали население Янтуна / Шангшунга с древними цянами — преимущественно скотоводческими племенами Тибетского нагорья, по их мнению, положившими начало всему тибетскому народу. Например, в сообщении о совместной атаке Тибетского государства и Шангшунга на Тогон (туюхуней. — М. С.) сказано, что тибетский царь напал с «янтунскими цянами» [Бичурин 1833/1: 131].

Общее происхождение жителей Шангшунга и Тибетского государства подтверждают проведенные в последние годы генетические исследования: предковые компоненты геномов древних обитателей Гуге и Пуранга оказались близки к другим древним популяциям нагорья, особенно юга его центральной

части, где ныне расположены округа Шаньнань и Шигадзе [Bai et al. 2024: 2595–2597] — место зарождения Тибетской империи в VII в. При этом по сравнению с самым ранним индивидом Гуге, датируемым XVI в. до н. э., более поздние образцы с юго-востока Западного Тибета — популяция *Pulanduowa* II в. н. э. и, видимо, популяция *Qulong sazha* IV в. н. э. — демонстрируют дополнительное генетическое влияние популяций Южного Тибета, которое, однако, не достигло центральных и западных областей Гуге [Ibid.: 2598–2599]. Следовательно, миграции людей из южной части Центрального Тибета вверх по течению Брахмапутры неоднократно осуществлялись задолго до имперского периода.

С другой стороны, у ряда индивидуумов Гуге зафиксировано значительное генетическое влияние из-за пределов плато. Люди, жившие в IV в. до н. э., которые были похоронены на участке *Piyangjiweng* к северу от Тхолинга, помимо преобладающих генетических компонентов с юга нагорья, имеют от 6 до 14 % родословной, восходящей к Центральной Азии бронзового века [Wang et al. 2023: 8]. Среди останков 19 человек, извлеченных из могил богатого кладбища *Sangdalongguo*, похожего по культурным артефактам на захоронения *Piyangjiweng* и *Chuvthag* в этой же области, обнаружен индивид I в. н. э., который несет в себе более половины генетических компонентов популяций цивилизации долины Инда и Центральной Азии [Bai et al. 2024: 2599, 2601]. Наконец, четыре из 26 исследованных образцов III–IV вв. н. э. из *Gurugyam* на востоке Гуге принадлежат гаплогруппам митохондриальной ДНК HV, H5 и U7, специфичным для Западной Евразии [Zhang et al. 2020: 443].

Кроме того, золотая маска, найденная в одной из гробниц высокого статуса в *Gurugyam*, обладает европеоидными чертами [Tong & Li 2016: 85, fig. 1]. К сожалению, ввиду плохой сохранности костей владельца невозможно определить, соответствует ли маска его внешности [Zhang et al. 2020: 448]. Другая европеоидная золотая маска сопровождала захоронение в *Malari* в уттаракхандских Гималаях, на границе с Западным Тибетом [Tong & Li 2016: 86, fig. 5]. Подобно многим погребениям Гуге, таким как *Chuvthag* и *Gurugyam*, эта гробница I в. до н. э. является шахтной [Aldenderfer 2013: 300–301], а сопутствующая керамика по типологии и декору аналогична западнотибетской [Broglia de Moura 2020: 23, 26] — это значит, оставившие ее люди могли принадлежать той же культурной общности, что и современное им население верховьев Сатледжа к северу от Гималаев. В противоположность упомянутым маскам, золотые маски из захоронений *Chuvthag* показывают скорее монголоидные признаки [Tong & Li 2016: 86, figs. 2, 4].

Немаловажную информацию о людях Шангшунга передают результаты лингвистических исследований. Тексты религии бон содержат фрагменты

на шангшунгском языке, относящемся, как было установлено, к западно-гималайской ветви тибето-бирманских языков, на которых говорят к югу и западу от Гуге [Widmer 2014: 47–56].

Предварительный анализ возможной несанскритской индоиранской заимствованной лексики в шангшунгском языке показал, что заимствования такого рода составляют не менее 1 % известных на данный момент шангшунгских слов. При этом они относятся главным образом к бытовой лексике, что явно указывает на интенсивность контактов между шангшунгским и индоиранскими языками [Kogan 2021: 161]. Исходя из доступного в настоящее время лексического материала, дардское влияние на шангшунгский язык представляется наиболее вероятным. По меньшей мере некоторые выявленные заимствования, похоже, имеют дардское происхождение [Ibid.: 162–163]. Есть среди шангшунгских слов и такие, первоисточником которых кажется язык бурушаски. Не исключено, что они вошли в шангшунгский язык через дардское посредство [Ibid.: 163, fn. 36].

Учитывая современный регион расселения дардских народов и буришей, естественно предположить, что их предки вступали в тесное соприкосновение с носителями шангшунгского языка в долине верхнего Инда в Ладакхе. Существует вероятность того, что дардские и, возможно, буришские группы проживали на территории, охватываемой верхнетибетской цивилизацией. Наличие черепов долихоцефалической формы в лехских захоронениях, содержащих кости в сосудах, наводит на мысль, что данные погребения принадлежали одной из упомянутых групп. Дарды и/или буриши могли проникать и в Западный Тибет, двигаясь вверх по Инду и его притокам, и доходить до верховьев Сатледжа.

Обобщая разрозненные сведения касательно населения Западного Тибета и Верхнего Ладакха до присоединения к Тибетской империи, нужно со всей определенностью сказать, что его основу образовывали общности, говорившие на западно-гималайских и тибетских диалектах. В Верхнем Ладакхе по соседству с ними, скорее всего, проживали носители дардских наречий и, возможно, некоторой формы языка бурушаски, которые по речным долинам могли продвигаться вглубь Западного Тибета. Принимая во внимание тысячелетние торговые отношения между долиной Верхнего Сатледжа и областями по южную сторону Гималаев, вполне можно допустить, что в Гуге оседали выходцы из Северной Индии. Перемещения степных скотоводов затрагивали в первую очередь Рутог, но в бронзовом веке связи с Центральной Азией, по-видимому, были более значительны, поскольку к культурным прототипам этой эпохи предположительно восходят церемониальные сооружения и часть зооморфного наскального искусства Верхнего Тибета, имеющие очевидные

параллели в степях [Bellezza 2008: 198–199]. За всем населением, принимавшим участие в формировании и развитии цивилизации Верхнего Тибета, в устной традиции закрепилось обозначение *Mon* или *Skal mon*¹⁰.

Еще один аспект культуры Западного Тибета, который следует отдельно рассмотреть, — это празднование Нового года. Как известно из «Книги Тан», в Царстве женщин год начинался в 11-м месяце по китайскому календарю. Приблизительно в это же время — на два месяца раньше общетибетского Лосара — встречают Новый год в долинах Инда и Сатледжа в Западном Тибете и в Ладакхе [Gergan 1978: 41–42]. В Рутго Лосар (*Lo gsar*) отмечают три раза: 1) *Rong po lo gsar* — в первый день 11-го лунного месяца по тибетскому календарю — так же, как в Гуге и Ладакхе; 2) *Byang thang lo gsar* — в первый день 12-го лунного месяца по тибетскому календарю; 3) *Rgyal po lo gsar*, общетибетский Новый год, — в первый день первого лунного месяца по тибетскому календарю¹¹. Последняя дата, так называемый Царский Новый год, по всей видимости, была официально введена в Тибете в период монгольского владычества [Stein 1972: 213].

Даты Лосара, самого важного праздника в году, наглядно свидетельствуют о контактах Рутго как с земледельцами долин Инда и Сатледжа, так и с кочевниками Чангтана. В древности в Рутго возделывались обширные пахотные земли, однако позднее они были заброшены из-за нехватки воды. Подобные изменения происходили по всему Западному Тибету (в том числе в Гуге и в районе истоков Инда, в долине Гар): длительный, постепенный процесс опустынивания охватил весь регион, и на многих сельскохозяйственных территориях люди вынуждены были полностью перейти на скотоводство. Тибетское географическое сочинение I половины XIX в. называет Рутго «страной кочевников» [Васильев 1895: 4]. Соседние территории Чангтана, Гердзе и Гегьэ (*Dge rgyas*), считались частями района Рутго [Shastri 1994: 755], и их жители прибывали в Рутго на ежегодные фестивали [Khenrap 2000: 57]. Поэтому неудивительно, что большинство населения Рутго отмечает *Byang thang lo gsar* «Чангтанский Новый год», также известный как *Sog lo* [Ibid.: 61–62].

¹⁰ Условность этого этнонима подтверждается тем, что в Западном Тибете ряд сооружений, ассоциируемых с монами, перестраивались и использовались тогда, когда процесс интеграции региона с Центральным Тибетом был уже давно завершен, — в XIII в. и даже позднее [Bellezza 2014a: A-33, A-92]. В Верхнем Ладакхе некоторые укрепления монов связаны с останками, датируемыми периодом западнотибетского буддийского царства Нгари, который начался в X в. и закончился к XIII в. [Devers 2018: 106].

¹¹ Информация любезно предоставлена руководителем Отдела астрологии Менцикханга Церинг Чозом в личном письме от 10 февраля 2022 г.

Интересно, что празднование Нового года в начале 12-го лунного месяца характерно и для Цанга, западной части Центрального Тибета, где оно носит наименование *So nam lo gsar* и отмечается преимущественно земледельцами. В Цанге с Лосаром сопряжен следующий обычай, возможно, имеющий отношение к новогоднему гаданию по птицам в Царстве женщин: в первый день наступающего года люди рассыпают на гумне разные виды зерна и ждут прилета птиц. Если птицы все съедят, год будет урожайным; если птицы не станут есть определенные культуры, значит, они не уродятся [LLC].

* * *

Завершая раздел о Западном Тибете и Верхнем Ладакхе, целесообразно будет высказать следующие соображения. В I половине VII в. Сюаньцзан, пребывая в районе верховьев Ганга, слышал о вытянутой с запада на восток стране за Гималаями. Фактически речь шла о землях по течению Сатледжа, входивших в состав царства Шангшунг, известного в китайской литературе как Большой Янтун (大羊同 *Da Yangtong*). В тот исторический период Шангшунг был самым сильным государственным образованием на цивилизационном пространстве, объединявшем Верхний Тибет, Верхний Ладакх и ряд гималайских территорий. В разных областях этого региона имелись богатые месторождения золота, рассказы о которых производили большое впечатление на жителей прилегающих к Западному Тибету районов Индии. Последние контактировали с представителями рассматриваемой цивилизации в ходе трансгималайской торговли, приобретая у них соль из озер Чангтана.

Местоположение столицы Шангшунга на востоке Гуге — бассейна Верхнего Сатледжа — подразумевает близость к Чангтану, что подкрепляется присутствием в этой местности характерного для высокогорного плато церемониального памятника — массива столбов с пристроенным сооружением. Уклад жизни кочевников плато, бесспорно (хотя бы в силу факторов природной среды), отличался от устройства жизни в долинах бассейна Верхнего Сатледжа и реки Гар-Дзангбо, которые, как и некоторые районы Чангтана, находились под властью Шангшунга.

Локальные культурные различия наблюдаются и в пределах земледельческих территорий: если на востоке бассейна Верхнего Сатледжа преобладают могилы с небольшим количеством сосудов, то в гробницах центральной части района обнаружено довольно много керамики, в том числе образцы достаточно высокого качества. Керамические изделия и обилие бронзовых украшений сближают погребения в центре Гуге с захоронениями человеческих костей в сосудах в Верхнем Ладакхе, открытыми в начале XX в. Показательно,

что в самом сердце Гуге (как и в округе Лахул и Спити в Гималаях) также сообщают о находках костей в сосудах.

Подобные захоронения могут быть связаны с матриархальными сообществами¹², одно из которых вошло в заметки Сюаньцзана как топоним «Восточное царство женщин» (東女國 *Dong Nü guo*). Есть основания полагать, что матриархальные сообщества проживали в долинах бассейнов верхнего течения рек Инд и Сатледж, где и поныне Новый год традиционно отмечают в 11-м месяце по тибетскому календарю — примерно тогда, когда начинался год в Царстве женщин. Над этими некогда процветавшими сельскохозяйственными территориями возвышались характерные для региона крепости на вершинах. Такая крепость вместе с окружающим ее поселением, возможно, стала прообразом столицы Царства женщин на горе в «Книге Суй». На востоке Гуге руины большой архаичной цитадели расположены на горе, считающейся могущественным женским территориальным божеством. В этой же части района выявлены два семейных захоронения родственников по материнской линии. Еще более важно, что на западе и в центре Гуге, к югу от Сатледжа и к северу от истоков Ганга, доминируют местные божества женского пола. Ко времени паломничества Сюаньцзана матриархальная культура в долинах Инда и Сатледжа, скорее всего, уже прекратила свое существование, а земли, где она ранее процветала, либо попали в сферу влияния царства Шангшунг, либо перешли под его прямое управление.

Особую сложность представляет вопрос об этническом происхождении носителей данной культуры. Судя по результатам генетических исследований, основу древнего населения Гуге сформировали люди тибетского происхождения, причем в восточной части района зафиксирована дополнительная миграция с юга Центрального Тибета. С другой стороны, в гробницах Гуге обнаружены индивиды, несущие гены из регионов к северу и западу от Тибетского нагорья, а в захоронениях Ладакха (вероятно, связанных с погребальным обрядом Царства женщин) найдены долихоцефальные черепа, в целом не свойственные тибетцам.

Суровые природные условия высокогорья осложняют работу археологов. В Западном Тибете раскопки доимперских захоронений были проведены в трех уголках региона: в центральной части Гуге — в местности к северу от Тхолинга, на востоке Гуге — поблизости от предполагаемой столицы Шангшунга, а также в Пуранге — в бассейне р. Карнали. Погребения Верхнего Ладакха пока не подвергались профессиональному исследованию. Вместе с тем лишь

¹²Под матриархальными сообществами в статье понимаются общества, в которых главные вопросы управления решают женщины. — М. С.

детальное научное обследование древних кладбищ и жилых памятников в разных областях Западного Тибета и в Верхнем Ладакхе позволит раскрыть полную картину того, какие этнические и культурные группы существовали в лоне цивилизации Верхнего Тибета.

Среди этих групп могли быть носители дардских наречий и языка бурушаски, о чем свидетельствуют лингвистические данные. Возможно, именно им принадлежали захоронения костей в сосудах в долине Леха. В настоящее время буриши и большинство дардоязычных народов проживают в смежном с Ладакхом регионе Гиндукуш — Каракорум. Дальнейшее исследование выявит культурные связи между этими регионами и попытается установить, может ли древнее население региона Гиндукуш — Каракорум иметь отношение к топониму «Царство женщин» (女國 *Nü guo*) в средневековых китайских источниках.

Источники

- Бичурин И.* История Тибета и Хухунора : в 2 ч. СПб. : Тип. Имп. АН, 1833.
- Васильев 1895 — География Тибета / пер. с тибетского сочинения «Миньчжул хутухты», с предисл. и примеч. В. Васильева. СПб. : Тип. Имп. АН, 1895.
- Сюань-цзан.* Записки о Западных странах [эпохи] Великой Тан (Да Тан си юй цзи) / введ., пер. с кит. и коммент. Н. В. Александровой. М. : Вост. лит., 2012.
- Bacot J., Thomas F. W., Toussaint C.* Documents de Touen-Houang. Relatifs a l’Histoire du Tibet. Paris : Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1940.
- Bellezza J. V.* Antiquities of Zhang Zhung: A Comprehensive Inventory of Pre-Buddhist Archaeological Monuments in the Tibetan Upland. Vol. 1 : Archaic Residential Monuments. Sarnath : Central Univ. of Tibetan Studies, 2014a. URL: <http://www.thlib.org/bellezza> (date of access: 13.11.2023).
- Bellezza J. V.* Antiquities of Zhang Zhung: A Comprehensive Inventory of Pre-Buddhist Archaeological Monuments in the Tibetan Upland. Vol. 2 : Archaic Ceremonial Monuments. Sarnath : Central Univ. of Tibetan Studies, 2014b. URL: <http://www.thlib.org/bellezza> (date of access: 13.11.2023).
- Bellezza J. V.* The Dawn of Tibet: The Ancient Civilization on the Roof of the World. Lanham : Rowman & Littlefield Publishers, 2014c. <https://doi.org/10.5771/9781442234628>
- Bellezza J. V.* Senseless Greed: The irreparable loss of the ancient Buddhist murals of Mangdrak // Flight of the Khyung. 2015. URL: <https://www.tibetarchaeology.com/january-2015/> (date of access: 05.02.2024).
- Bellezza J. V.* The Ancient Burial Sites of Spiti: The indigenous socioeconomic and cultural order and trans-regional communications in the era before the spread of Buddhism // Flight of the Khyung. 2016. URL: <https://www.tibetarchaeology.com/january-2016/> (date of access: 10.04.2024).
- Das S. C.* A Tibetan-English Dictionary with Sanskrit Synonyms. Calcutta : Bengal Secretariat Book Depot, 1902.
- Devers Q.* Archaeological Ladakh: Recent Discoveries Redefining the History of a Key Region between the Pamirs and the Himalayas // Central Asiatic Journal. 2018. Vol. 61, No. 1. P. 103–132. <https://doi.org/10.13173/centasiaj.61.1.0103>

- Devers Q., Bruneau L., Vernier M. An Archaeological Survey of the Nubra Region (Ladakh, Jammu and Kashmir, India) // *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines*. 2015. No. 46. <https://doi.org/10.4000/emscat.2647>. URL: <https://journals.openedition.org/emscat/2647> (date of access: 20.02.2024).
- Dotson B. The Old Tibetan Annals: An Annotated Translation of Tibet's First History. Wien : Verl. der Österreichischen Akad. der Wiss., 2009. <https://doi.org/10.1553/0x001a81e8>
- Elias 1895 — The Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlát: a History of the Moghuls of Central Asia / ed. by N. Elias. London : Sampson Low, Marston and Company, Ltd. Publishers to the India Office, 1895.
- Francke A. H. Antiquities of Indian Tibet. Pt. 1 : Personal Narrative. Calcutta : Superintendent Government Printing, 1914.
- Johnson W. H. Report on His Journey to Ilchi, the Capital of Khotan, in Chinese Tartary // The Journal of the Royal Geographical Society of London. 1867. Vol. 37. P. 1–47.
- LLC — Local Losar Celebrations // Facts and Details. URL: <https://factsanddetails.com/china/cat6/sub35/entry-8428.html#chapter-3> (date of access: 21.01.2024).
- Pelliot P. Notes on Marco Polo. Vol. 2. Paris : Imprimerie National, 1963.
- PT 1060 // Old Tibetan Documents Online. http://www.aa.tufs.ac.jp/~hoshi/TSP_OTDO/texts_info/P1060.html (date of access: 12.12.2023).
- PT 1136 // Old Tibetan Documents Online. http://www.aa.tufs.ac.jp/~hoshi/TSP_OTDO/texts_info/P1136.html (date of access: 12.12.2023).
- Tong T., Li L.-H. The Himalayan Gold Masks from the Eurasian Perspective. Transl. by Liangren Zhang // *Chinese Archaeology*. 2016. Vol. 16. P. 85–90. <https://doi.org/10.1515/char-2016-0007>
- Tong T., Li L.-H., Tsering T., Yao Y. Gurugyam and Chuvthag Cemeteries in Ngari Prefecture, Tibet // *Chinese Archaeology*. 2016. Vol. 16. P. 27–48. <https://doi.org/10.1515/char-2016-0003>
- Vernier M. The Forgotten Citadel of Stok mon mkhar // *Revue d'Études Tibétaines*. 2013. No. 27. P. 81–102.
- Wegehaupt M. Memoirs of a Pilgrimage to the Five Indian Kingdoms. Translation // *Collected Works of Korean Buddhism*. Vol. 10 : Korean Buddhist Culture: Accounts of a Pilgrimage, Monuments, and Eminent Monks / ed. by R. Whitfield. Seoul : Jogye Order of Korean Buddhism, 2012. P. 69–174.

Исследования

- Сохина М. Д. *Nü guo* китайской историографии: К вопросу о локализации «Женских царств» Тибета. Часть I : Возможное расположение Царства женщин в Восточном Тибете // *Вопросы ономастики*. 2024. Т. 21, № 2. С. 51–72. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.2.016
- Aldenderfer M. Variation in mortuary practice on the early Tibetan plateau and the high Himalayas // *Journal of the International Association for Bon Research*. 2013. Vol. 1. P. 293–318.
- Bai F., Liu Y., Wangdue S., Wang T., He W., Xi L., Tsho Y., Tsering T., Cao P., Dai Q., Liu F., Feng X., Zhang M., Ran J., Ping W., Payon D., Mao X., Tong Y., Tsering T., Chen Z., Fu Q. Ancient genomes revealed the complex human interactions of the ancient western Tibetans // *Current Biology*. 2024. Vol. 34, No. 12. P. 2594–2605. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2024.04.068>
- Bellezza J. V. Zhang zhung. Foundations of Civilization in Tibet. A Historical and Ethnoarchaeological Study of the Monuments, Rock Art, Texts, and Oral Tradition of the Ancient Tibetan Upland. Wien : Verl. der Österreichischen Akad. der Wiss., 2008. <https://doi.org/10.1553/0x003acd54>
- Brogli de Moura S. Preliminary Field Notes on the Ancient Ceramics of Ladakh // *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines*. 2020. No. 51. <https://doi.org/10.4000/emscat.4191>. URL: <https://journals.openedition.org/emscat/4191> (date of access: 25.12.2023).

- Devers Q.* Fortifications of Ladakh: A Brief Chrono-Typology // *Visible Heritage: Essays on the Art and Architecture of Greater Ladakh* / ed. by R. Linrothe and H. Poell. Delhi : Bibliainpex, 2016. P. 41–64.
- Devers Q.* Charting Ancient Routes in Ladakh: An Archaeological Documentation // *Interaction in the Himalayas and Central Asia: Processes of Transfer, Translation and Transformation in Art, Archaeology, Religion and Polity* / ed. by E. Allinger, F. Grenet, C. Jahoda, M.-K. Lang, A. Vergati. Wien : Austrian Acad. of Sciences Press, 2017. P. 321–338. <https://doi.org/10.2307/j.ctt1pv891n.19>
- Dotson B.* Administration and Law in the Tibetan Empire: The Section on Law and State and its Old Tibetan Antecedents (PhD thesis). Oxford University, 2006.
- Gergan S. S.* The Lo-sar of Ladakh, Spiti, Lahul, Khunnu and Western Tibet // *The Tibet Journal*. 1978. Vol. 3, No. 3. P. 41–43.
- Jahoda C.* Bemerkungen zur Tradition einer weiblichen Schutzgottheit (srung ma) in Tabo (Spiti Tal, Himachal Pradesh, Indien) // *Der Rand und die Mitte: Beiträge zur Sozialanthropologie und Kulturgeschichte Tibets und des Himalaya* / ed. by A. Gingrich and G. Hazod. Wien : Verl. der Österreichischen Akad. der Wiss., 2006. P. 11–54.
- Khenrap K. L.* Ru thog District before the Chinese Occupation (1900–1958): A Preliminary Study of its Cultural History // *The Tibet Journal*. 2000. Vol. 25, No. 4. P. 33–77.
- Kogan A.* Towards the Reconstruction of Language Contact in the Pre-Tibetan Upper Indus Region // *Journal of Language Relationship*. 2021. No. 19 (3). P. 153–165.
- Li B. W. L.* A Critical Study of the Life of the 13th-Century Tibetan Monk U rgyan pa Rin chen dpal Based on his Biographies (PhD thesis). Oxford University, 2011.
- Rizvi J.* Ladakh: Crossroads of High Asia. 2nd ed. New Delhi : Oxford Univ. Press, 1996.
- Shastri L.* The Marriage Customs of Ru-thog (mNga'-ris) // *Tibetan Studies: Proceedings of the 6th Seminar of the International Association for Tibetan Studies (Fagernes 1992)* / ed. by P. Kvaerne. Oslo : Institute for Comparative Research in Human Culture, 1994. Vol. 2. P. 755–767.
- Stein R. A.* Tibetan Civilization. Stanford : Stanford Univ. Press, 1972.
- Uray G.* Queen Sad-mar-kar's Songs in the Old Tibetan Chronicle // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1972. No. 25. P. 5–38.
- Vitali R.* A Tentative Classification of the Bya ru can Kings of Zhang zhung // *Revue d'Etudes Tibétaines*. 2008. No. 15. P. 379–419.
- Wang H., Yang M. A., Wangdue S., Lu H., Chen H., Li L., Dong G., Tsring T., Yuan H., He W., Ding M., Wu X., Li S., Tashi N., Yang T., Yang F., Tong Y., Chen Z., He Y., Cao P., Dai Q., Liu F., Feng X., Wang T., Yang R., Ping W., Zhang Z., Gao Y., Zhang M., Wang X., Zhang C., Yuan K., Ko A. M.-S., Aldenderfer M., Gao X., Xu S., Fu Q.* Human genetic history on the Tibetan Plateau in the past 5100 years // *Science Advances*. 2023. Vol. 9, No. 11. P. 1–17. <https://doi.org/10.1126/sciadv.add5582>
- Widmer M.* A Descriptive Grammar of Bunan (PhD thesis). University of Bern, 2014.
- Zhang Y.-J., Zhang X., Zhao X., Tong T., Li L.* Craniometric evidence and ancient DNA analysis of the population origin of Ngari prefecture of Tibet Autonomous Region between 3rd and 4th century AD // *Acta Anthropologica Sinica*. 2020. Vol. 39, No. 3. P. 435–449.

References

- Aldenderfer, M. (2013). Variation in Mortuary Practice on the Early Tibetan Plateau and the High Himalayas. *Journal of the International Association for Bon Research*, 1, 293–318.

- Bai, F., Liu, Y., Wangdue, S., Wang, T., He, W., Xi, L., Tsho, Y., et al. (2024). Ancient Genomes Revealed the Complex Human Interactions of the Ancient Western Tibetans. *Current Biology*, 34(12), 2594–2605. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2024.04.068>
- Bellezza, J. V. (2008). *Zhang zhung. Foundations of Civilization in Tibet. A Historical and Ethnoarchaeological Study of the Monuments, Rock Art, Texts, and Oral Tradition of the Ancient Tibetan Upland*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. <https://doi.org/10.1553/0x003acd54>
- Brogli de Moura, S. (2020). Preliminary Field Notes on the Ancient Ceramics of Ladakh. *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines*, 51. <https://doi.org/10.4000/emscat.4191>
- Devers, Q. (2016). Fortifications of Ladakh: A Brief Chrono-Typology. In R. Linrothe, & H. Poell (Eds.), *Visible Heritage: Essays on the Art and Architecture of Greater Ladakh* (pp. 41–64). Delhi: Bibliampex.
- Devers, Q. (2017). Charting Ancient Routes in Ladakh: An Archaeological Documentation. In E. Allinger, F. Grenet, C. Jahoda, M.-K. Lang, & A. Vergati (Eds.), *Interaction in the Himalayas and Central Asia: Processes of Transfer, Translation and Transformation in Art, Archaeology, Religion and Polity* (pp. 321–338). Wien: Austrian Academy of Sciences Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctt1pv891n.19>
- Dotson, B. (2006). *Administration and Law in the Tibetan Empire: The Section on Law and State and its Old Tibetan Antecedents* (PhD thesis). Oxford University.
- Gergan, S. S. (1978). The Lo-sar of Ladakh, Spiti, Lahul, Khunnu and Western Tibet. *The Tibet Journal*, 3(3), 41–43.
- Jahoda, C. (2006). Bemerkungen zur Tradition einer weiblichen Schutzgottheit (srung ma) in Tabo (Spiti Tal, Himachal Pradesh, Indien). In A. Gingrich, & G. Hazod (Eds.), *Der Rand und die Mitte: Beiträge zur Sozialanthropologie und Kulturgeschichte Tibets und des Himalaya* (pp. 11–54). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Khenrap, K. L. (2000). Ru thog District before the Chinese Occupation (1900–1958): A Preliminary Study of its Cultural History. *The Tibet Journal*, 25(4), 33–77.
- Kogan, A. (2021). Towards the Reconstruction of Language Contact in the Pre-Tibetan Upper Indus Region. *Journal of Language Relationship*, 19(3), 153–165.
- Li, B. W. L. (2011). *A Critical Study of the Life of the 13th-Century Tibetan Monk U rgyan pa Rin chen dpal Based on his Biographies* (PhD thesis). Oxford University.
- Rizvi, J. (1996). *Ladakh: Crossroads of High Asia* (2nd ed.). New Delhi: Oxford University Press.
- Shastri, L. (1994). The Marriage Customs of Ru-thog (mNga'-ris). In P. Kvaerne (Ed.), *Tibetan Studies: Proceedings of the 6th Seminar of the International Association for Tibetan Studies (Fagernes 1992)* (Vol. 2, pp. 755–767). Oslo: Institute for Comparative Research in Human Culture.
- Sokhina, M. D. (2024). *Nü guo* kitaiskoi istoriografii: K voprosu o lokalizatsii “Zhenskikh tsarstv” Tibeta. Chast' I: Vozmozhnoe raspolozhenie Tsarstva zhenshchin v Vostochnom Tibete [*Nü guo* in Chinese Historiography: the Localisation of Tibetan “Women’s Kingdoms.” Part I: Possible Location of The Kingdom of Women in Eastern Tibet]. *Voprosy onomastiki*, 21(2), 51–72. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.2.016
- Stein, R. A. (1972). *Tibetan Civilization*. Stanford: Stanford University Press.
- Uray, G. (1972). Queen Sad-mar-kar’s Songs in the Old Tibetan Chronicle. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 25, 5–38.
- Vitali, R. (2008). A Tentative Classification of the Bya ru can Kings of Zhang zhung. *Revue d’Études Tibétaines*, 15, 379–419.

- Wang, H., Yang, M. A., Wangdue, S., Lu, H., Chen, H., Li, L., Dong, G., et al. (2023). Human Genetic History on the Tibetan Plateau in the Past 5100 Years. *Science Advances*, 9(11), 1–17. <https://doi.org/10.1126/sciadv.add5582>
- Widmer, M. (2014). *A Descriptive Grammar of Bunan* (Doctoral dissertation). University of Bern.
- Zhang, Y.-J., Zhang, X., Zhao, X., Tong, T., & Li, L. (2020). Craniometric Evidence and Ancient DNA Analysis of the Population Origin of Ngari Prefecture of Tibet Autonomous Region between 3rd and 4th Century AD. *Acta Anthropologica Sinica*, 39(3), 435–449.